

Мне эта шутка прилась не очень по вкусу: в то время немцы — даже и то небольшое количество коммунистов-эмигрантов на нашей стороне — котировались в Москве ниже всех прочих, но я принял ее не сердясь и без внутреннего возмущения.

Этим, как казалось, спор вокруг Красной Армии был исчерпан. Отношение Сталина ко мне стало сердечным, как прежде.

Так это продолжалось до конфликта между югославским и советским ЦК в 1948 году, когда Молотов и Сталин в своих письмах снова использовали и извратили этот самый спор и «оскорбления», которые я нанес Красной Армии.

И. В. СТАЛИН

Из телеграммы И. Броз Тито

<31 октября 1944 г.>

Я понимаю трудность Вашего положения после освобождения Белграда. Вы не можете не знать, что Советское правительство, несмотря на колоссальные жертвы и потери, делает все возможное и даже невозможное, чтобы помочь Вам. Но меня поражает тот факт, что отдельные инциденты и ошибки отдельных офицеров и бойцов Красной Армии обобщают у Вас и распространяют на всю Красную Армию. Нельзя так оскорблять армию, которая помогает Вам изгонять немцев и обливается кровью в боях с немецкими захватчиками.

Не трудно понять, что семья без урода не бывает, но было бы странно оскорблять семью из-за одного урода. Если красноармейцы узнают, что Джилас и те, кто ему не возражали, считают английских офицеров в моральном отношении выше советских офицеров, то они завывали бы от такой незаслуженной обиды.